

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 14

Москва
2014

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Максимов Л.В.</i> Мораль в единственном числе	5
<i>Гельфонд М.Л.</i> К вопросу о соотношении морали и цивилизации	25
<i>Сырودهева А.А.</i> Малое и большое: открывая другую сторону	35
<i>Прокофьев А.В.</i> Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о допустимости применения силы	43

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Апресян Р.Г.</i> Проблема Другого в философии Аристотеля	65
<i>Зубец О.П.</i> Об одном месте из «Никомаховой этики»	86
<i>Гечмен Д.</i> Концепция беспристрастного наблюдателя и проблема души–тела в философии Адама Смита	111
<i>Аванесов С.С.</i> Автономия воли: Кант и Шопенгауэр о бесцельности нравственного действия	148
<i>Сочилин А.А.</i> Этический смысл различения Гегелем «моральности» и «нравственности»	160
<i>Белов В.Н.</i> Этика в системе философского критицизма Германа Когена	174
<i>Троицкий К.Е.</i> Макс Вебер как Анти-Толстой	200
<i>Кашуба М.В.</i> Этика в философских курсах профессоров Киево-Могилянской академии	217
<i>Плотников Н.С.</i> Очерк о феноменологической этике Д.И.Чижевского	240
<i>Демидова Е.В.</i> Отсутствие Другого в философии поступка М.М.Бахтина	271
Резюме	289
Summary	294
Об авторах	299

К.Е. Троицкий

Макс Вебер как Анти-Толстой

Введение

20 ноября 1910 г. на почти неизвестной станции Астапово в Рязанской губернии умирает Лев Николаевич Толстой, умирает в пути, покинув ночью за десять дней до этого свое знаменитое родовое имение «Ясная Поляна». Это последнее путешествие или бегство, которое оказалось неожиданным для общества, для самого писателя, было неслучайным, давно задуманным. Мотив бегства присутствует во многих его произведениях и, возможно, является одним из центральных смысловых центров второй половины жизни мыслителя¹. Этот поступок стал ударом для его жены Софьи, но и для нее он не был неожиданностью. Погоня за «беглецом», которого сопровождал только врач Д.Л.Маковицкий, была организована быстро и из разных сфер жизни, от общественности его выехали искать журналисты, от семьи – дочь Александра, после «сомнений» и «стояния перед скитом» Толстого в Оптиной пустыни от Православной Церкви за писателем устремился сам игумен-настоятель старец Варсонофий. Кое-кому удалось его догнать, но вернуться ни в общество, ни в семью, ни в Православную Церковь Льву Николаевичу было уже не суждено.

В то время, как Толстой умирал в Астапово, в другой части света, в Германии, во Франкфурте, с 19 по 22 ноября проходил первый съезд немецкой социологической ассоциации, где по поводу доклада Э.Трельча «Стоико-христианское естественное право» (Das stoisch-christliche Naturrecht) с речью выступал Макс Вебер.

¹ См.: *Басинский П.В.* Лев Толстой: Бегство из рая. М., 2010.

На этом съезде он впервые публично² на примере идей Льва Толстого упоминал концепцию «акосмической любви». Эта речь стала основополагающей для концепции, которой суждено было сыграть значительную роль в социологии религии Макса Вебера и в формировании его этических взглядов.

В нижеприведенной статье прослеживаются основные этапы в развитии осмысления этической мысли Льва Толстого знаменитым немецким ученым Максом Вебером. В исследовании условно выделяются четыре этапа, каждый из них связан с важной этической темой или проблемой у Вебера (также их можно назвать «вариациями»), которую он формировал «в споре» с русским писателем.

– *Первый этап* связан с формированием этики убеждения и противостоящей ей этикой ответственности, он совпадает по времени с событиями Первой русской революции;

– *второй этап* имеет в центре концепцию «акосмической любви» и начинается вместе с бегством и последующей смертью Толстого;

² Самое первое упоминание «акосмической любви», вероятно, в письме Макса Вебера 1907 г. к известному и скандальному персонажу из мира политических радикалов, «сексуальной революции» и психоанализа – к Отто Гроссу. В письме речь идет о том, что Вебер готов питать уважение к «акосмической любви» Отто Гросса, если тот перестанет ссылаться на этику. Как отмечает немецкая исследовательница Эдит Ханке, которая и приводит это письмо, тут речь идет о требовании последовательности, которую разовьет Вебер в своих поздних работах. Эротическая сфера имеет свой закон, и тот, кто выбрал его в качестве руководства жизни (*Lebensführung*), не должен пытаться привлекать этику для оправдания своих поступков. См.: *Hanke E. Max Weber, Leo Tolstoy and the Mountain of Truth // Max Weber and the Culture of Anarchy / Ed. by S. Whimster. Basingstoke, 1999. P. 153–154.* Впрочем, остается неясной связь эротической сферы с «акосмической любовью», так как впоследствии у Вебера последняя связана с аскетизмом и даже антисексуальностью, выраженными в поздних произведениях Льва Толстого. Идея же двух видов «акосмической любви» (эротической и аскетической) у Вебера прослеживается с трудом. Вероятно, что речь здесь идет о становлении концепции, в близком же к окончательному виду она была выработана Вебером в промежутке между 1910 и 1914 г. Роберт Беллах в своей работе не упоминает об этом письме и ведет отчет упоминания «акосмической любви» с 1910 г., что делает его работу неполной. См.: *Bellah R.N. Max Weber and World-Denying Love: A Look at the Historical Sociology of Religion // Journal of the American Academy of Religion. 1999. Vol. 67. № 2. P. 277–304.* Эта тема требует дальнейшего развития.

– *третий этап* разворачивается на фоне Первой мировой войны и связан с критикой пацифизма Максом Вебером, а также становлением его идеи «борьбы богов»;

– *четвертый* знаменуется программным докладом/статьей «Наука как призвание и профессия» и совпадает с Октябрьской революцией в России, в нем Вебером разрабатывается вопрос о ценности и смысле жизни/смерти в «расколдованную» эпоху.

Несмотря на разделение, которое помогает наглядно продемонстрировать диалектику развития идей Вебера в заочной дискуссии с взглядами Толстого, все этапы связаны и не заканчиваются с началом следующего, а обогащаются и переплетаются друг с другом. Более того, в определенном смысле с первого этапа можно различить все четыре темы, но еще в неартикулированной форме. На передний план темы выступают постепенно, в том числе и под воздействием исторических событий. Итогом можно считать речь/статью Макса Вебера «Политика как призвание и профессия», которая стала последним значимым произведением перед смертью немецкого мыслителя. В этой работе все четыре темы мысли уже присутствуют и выступают наиболее ярко, очерчивая абрис мировоззрения «ответственной этики убеждения»³.

Первая вариация.

Русская революция 1905–1906 гг. и «этика убеждения»

Макс Вебер впервые связал свои этические идеи с Львом Толстым не в речи 1910 г. Это произошло раньше и переплетено со значимым событием русской истории. После Первой русской революции тема событий в Российской империи становится особенно значимой для Европы. В 1905–1906 гг. Вебер со страстью погружается в изучение прошлого и настоящего России. Немецкий мыслитель принимается за чтение научных исследований и периодических изданий, берется за изучение русского языка. Итогом этого становятся две крупные статьи 1906 г.: «К положению буржуазной

³ Ответственная этика убеждения (*the responsible ethic of conviction*) – выражение, используемое известным датским вебероведом Гансом Генрихом Брууном, см.: *Bruun H.H. Science, Values and Politics in Max Weber's Methodology*. Aldershot, Hampshire, 2007.

демократии в России» и «Переход России к псевдоконституционализму». Статьи затрагивают широкий диапазон тем, которые простираются от экономической роли общины и значения земства для развития либерализма до особенностей русской политики и мировоззрения интеллигенции. В каждой из статей в важном контексте упоминается Лев Толстой.

В статье «К положению буржуазной демократии в России», характеризуя русскую мысль, Вебер пишет об «абсолютном отказе от “этики успеха” (Erfolgsethik) также в области политики»⁴. Этот «отказ от “этики успеха”»⁵ означает, что «безусловная этическая заповедь действует как возможная путеводная звезда позитивного поведения, существует только возможность борьбы за право или “святое” самоотречение»⁶, только это и является долгом и обязанностью, тогда как «все другие в качестве этических ценностей исключаются, бессознательно снова в силе такое библейское состояние, которое отпечаталось в наиглубочайшей мере в душе не только Толстого, но и всего русского народа: “не противься злу”»⁷. Вебер заключает эту мысль словами: «Внезапная перемена бурной активности на покорность в отношении к своему положению является следствием непризнания этической индифферентности как существующей или же ее возможной “ценности”»⁸. Здесь же Вебер говорит о «панморализме» В.С.Соловьева, по сути, подводя под это определение и идеи Толстого. Таким образом, Вебер констатирует наличие доминирующей этической ценности, которая исключает другие ценности. Согласно Веберу, мотив «не противься злу» глубоко отпечатан в русском народе, что, впрочем, может сменяться всплесками необузданного насилия. Толстой рассматривается тут почти как «зеркало русской революции» с ее противоречиями, но самое главное – с абсолютной убежденностью и бескомпромиссностью. Акцент здесь именно на отказе по этическим соображени-

⁴ *Weber M. Zur Russischen Revolution von 1905: Schriften und Reden 1905–1912. Tübingen, 1996. S. 18.*

⁵ «Этика успеха» постепенно трансформируется у Вебера в этику ответственности, в данном случае «успех» обозначает ориентацию на результат действия.

⁶ *Weber M. Zur Russischen Revolution von 1905: Schriften und Reden 1905–1912. S. 18.*

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. S. 18–19.

ям от политических средств, одним из основополагающих среди них Вебер считал насилие. Не случайно, что во второй статье этого цикла «Переход России к псевдоконституционализму» Вебер говорит об «аполитизме Толстого»⁹.

После начала войны тема этики убеждения и фигура Льва Толстого как ее яркого представителя получает свое дальнейшее развитие в подчеркивании требования буквального прочтения Нагорной проповеди, особенно в части о «непротивлении злу»¹⁰. Этика убеждения Толстого тесно связывается Вебером с концепцией «акосмической любви» и противопоставляется этике ответственности, которую немецкий ученый находит и формулирует с помощью особенностей мировоззрения русского писателя. Тема пацифизма Толстого у Вебера будет более подробно затронута ниже, при разборе второй и особенно третьей темы.

Таким образом, на первом этапе Толстой является выразителем «безусловной этической заповеди», панморалист, который подчиняет и даже исключает все иные возможные «заповеди». В дальнейшем эти мысли будут содержательно обогащаться и данная позиция получит у Вебера название «этика убеждения», а «заповеди» станут давать разные и независимые друг от друга ценностные «боги». В критике именно позиции «панморализма» как «этического монотеизма» Вебер будет развивать центральные идеи своей ценностно-этической мысли, а именно: этику ответственности и ценностный «политеизм».

⁹ Weber M. Zur Russischen Revolution von 1905: Schriften und Reden 1905–1912. S. 326.

¹⁰ Вебер не вдавался в подробности, огрубляя и сокращая формулу «Не противься злу насилием» до «Не противься злу», вероятно, единственный случай, когда он использует полную формулу «Не противься злу насилием» (*Widerstehe nicht dem Übel mit Gewalt*), содержится в докладе/статье «Политика как призвание и профессия», в русском переводе этой работы формула звучит как «“Не противостоять злу насилием”, см.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 695.

**Вторая вариация.
Бегство и смерть Льва Толстого.
«Акосмическая любовь»**

Итак, во время заключительных трагических событий жизни Толстого, когда русский писатель попытался уйти из своего прежнего быта и привычного мира Ясной Поляны, Вебер впервые публично формулирует свою идею «акосмической любви» как «мироотрицающей любви»¹¹. Известна и другая подробность «заочного» отношения Вебера к Толстому того времени. Незадолго до описываемых событий, 1 ноября 1910 г., Макс Вебер, который значительную часть своей жизни имел проблемы со сном, пишет своей жене Марианне, что по ночам он читает русского писателя и восклицает: «Я засыпаю, если читаю 2 часа в кровати Толстого!!»¹². Это небольшое замечание указывает на неслучайность появления имени русского писателя в речи Вебера на съезде. Вскоре после съезда Вебер оставляет первое свидетельство о намерении написать статью о Толстом, которое затем стало желанием написать книгу. Это желание обнаруживало себя на протяжении нескольких лет. Вероятно, последнее упоминание об этом стремлении относится к 1913 г., в письме от этого года Марианна Вебер сообщала матери мужа об «их» с Максом книге: «“Наша” книга о Толстом пока еще не начата, но я его (Макса Вебера. – К.Т.) не оставляю – он напишет ее потом»¹³. Надвигалась Первая мировая война, после ее начала нам уже неизвестно, сохранилось ли у Вебера желание все-таки написать книгу о русском писателе.

В своем выступлении 1910 г. Вебер пространно рассуждает о месте любви в русской религиозной традиции, русских сектах, об «античном мистицизме», что есть еще в Православной

¹¹ Вебер обозначает «акосмическую любовь» либо через выражение «*die akosmistische Liebe*», либо посредством составного слова «*Liebesakosmismus*», Роберт Белла предлагает переводить на английский это как «*world-denying love*», дословно как «мироотрицающая любовь», см.: *Bellah R.N. Max Weber and World-Denying Love: A Look at the Historical Sociology of Religion // Journal of the American Academy of Religion*. 1999. Vol. 67. № 2. P. 277–278. Надо добавить, что Вебер использует прилагательное «*akosmistisch*» и в других сочтаниях, которые обычно подразумевают, впрочем, «любовь».

¹² *Radkau J. Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens*. München, 2005. S. 397.

¹³ *Ibid.*

(orthodoxe) церкви, а пропус он называет фамилии А.С.Хомякова, В.С.Соловьева, упоминает роман «Братья Карамазовы», но акцент опять на Льве Толстом. Вебер говорит, что в Православной церкви живет «особенная, мистическая, исчезающая (unverlierbar) на земле Востока вера, где братская любовь, любовь к ближнему, так своеобразна и предстает перед нами такими непостижимыми человеческими отношениями, что прославляются великими религиями спасения. Эта вера прокладывает дорогу не просто к каким-то совершенно вторичным социальным эффектам, но к постижению смысла мира, к мистическому отношению с Богом. Все это известно от Толстого, который неоднократно обращался к этой мистической вере»¹⁴. То же выражают романы великих русских писателей, такие как «Братья Карамазовы» и «Война и мир», Вебер продолжает: «Так возникает сперва впечатление полной бессмысленности происходящего, бессмысленный беспорядок страстей (Durcheinander von Leidenschaften)»¹⁵, и это, развивает он свою мысль, «имеет своим основанием в потаенном убеждении о действительной бессмысленности этой политически, социально, этически, литературно, художественно, семейно сформированной жизни в сравнении с основанием (Untergrund), которое под ней простирается. Это воплотилось в специфических формах, демонстрируемых русской литературой, что, впрочем, для нас также крайне сложно понять, так как они покоятся на простой, образцово античной христианской мысли»¹⁶. Далее Вебер говорит о центральном моменте любви к ближнему, «которая награждала бы доступом к воротам вечности, безвременья, божественности»¹⁷. Все это и образует «художественное единство, которое мы имеем привычку упускать в произведениях русской литературы»¹⁸. И Вебер заканчивает: «На этом акосмическом основании покоится вся русская религиозность и также специфично естественное право (Naturrecht), – такое, выражение которого Вы найдете в русских сектах и также у Толстого»¹⁹. Тут

¹⁴ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen, 1988. S. 468–469.

¹⁵ Ibid. S. 469.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

же Вебер приводит оппозицию к изображенному выше идеалу русских писателей – «человека действующего», который действует видимым образом на «сцене мира»²⁰. Последнее замечание развивает намеченную выше тему противопоставления, которая станет противостоянием между носителями этики убеждения и этики ответственности²¹.

Что же такое «акосмическая любовь» или, как Вебер назовет ее незадолго до смерти, опять связывая это течение мысли с моральным аспектом, «акосмическая этика любви» (*die akosmistische Liebesethik*)²²? Есть вероятность, что он не планировал дать однозначную дефиницию этому понятию, как он не давал их и другим важным понятиям. Американский исследователь Роберт Белла в своей статье об «акосмической любви»²³ предпринимает попытку выделить ее наиболее характерные черты и через это приблизиться к пониманию. Он выделяет следующее: 1) неприятие посюстороннего мира; 2) провозглашение братской любви; 3) ненасилие²⁴.

Действительно, Вебер выделял наряду с Толстым три фигуры, которые наиболее полно олицетворяли для него «акосмическую любовь». Эти три фигуры: Будда, Христос, Франциск Ассизский. Все трое не имели постоянного прибежища и дома, для всех троих любовь как принцип бытия имела первостепенное значение, все трое выступали против насилия²⁵, а для нашей темы отметим, что все трое имели колоссальное влияние на развитие мысли Льва Толстого. Следует добавить, что с попытками осуществления «бегства от мира» в стремлении претворить в жизнь социальные проекты

²⁰ Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik*. Tübingen, 1988. S. 469.

²¹ Анализ противопоставления «этики убеждения» и «этики ответственности» через сравнение мысли Вебера и Толстого см.: Давыдов Ю.Н. *Этика убеждения и этика ответственности*: Макс Вебер и Лев Толстой. М., 2006. С. 83–109.

²² Вебер М. *Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произведения*. С. 695.

²³ См.: Bellah R.N. *Max Weber and World-Denying Love: A Look at the Historical Sociology of Religion // Journal of the American Academy of Religion*. 1999. Vol. 67. № 2. P. 277–304.

²⁴ Ibid.

²⁵ Другие исследователи подходят более широко к этому вопросу, включая «акосмическую любовь» в более широкое понятие «братской любви». См.: Symonds M., Pudsey J. *The Forms of Brotherly Love in Max Weber's Sociology of Religion // Sociology Theory*. 2006. Vol. 24. № 2. P. 133–149.

Толстого Вебер столкнулся в Швейцарии во время посещения им Асконы в 1913–1914 гг., где было сильно увлечение идеями русского писателя²⁶.

Итак, к убеждению добавляется любовь. К абсолютному, доминирующему убеждению добавляется всеохватывающая, не знающая границ «акосмическая любовь». Любовь, которая, охватывая Космос (не случайна ссылка к античности), но не сводясь к нему, упорядочивает и придает ему смысл, в то же время находясь вне мира. Макс Вебер видит в основании русского религиозного мироощущения понятие «акосмической любви», которое он вырабатывает с помощью русской истории и в особенности идей Льва Толстого, впоследствии этому понятию у Вебера суждено стать одним из принципов осмысления особого типа религиозной этики.

Третья вариация.

Первая мировая война. Последовательный пацифизм Льва Толстого и «борьба богов» Вебера

С началом войны Лев Толстой становится для Макса Вебера в первую очередь представителем убежденного, стремящегося быть последовательным до самого конца пацифиста. Это хорошо видно из текста небольшого комментария, который Вебер дал в 1916 г. Комментарий был сделан в виде письма, которое Вебер написал по поводу дискуссии под названием «Между двумя законами» (*Zwischen zwei Gesetzen*) в австрийском журнале «Женщина» (*Die Frau*). В этой дискуссии, которая состоялась между знакомой семьей Веберов, политиком, представительницей женского движения Гертруд Боймер (*Gertrud Bäumer*) и швейцарской пацифисткой Гезин Нордбек (*Gesine Nordbeck*), речь шла о христианском законе и законе Родины, какой из них важнее и какая между ними связь. В своем небольшом, опубликованном в том же журнале комментарии Вебер как бы продолжает тематику двух законов, он пишет: «Евангелие же тут можно оставить вне этих рассмотрений – или: принять всерьез. И тут тогда есть только последовательность Толстого, больше ничего. Кто оплачивает только один пфенниг нало-

²⁶ См.: *Hanke E.* Max Weber, Leo Tolstoy and the Mountain of Truth // Max Weber and the Culture of Anarchy. P. 153–154.

га, тот должен оплатить и другие»²⁷ – и продолжает, что кто не придерживается последовательности Толстого, «тот должен знать, что он связан закономерностями посюстороннего мира, которые включают на необозримое время возможность неизбежности войны за власть»²⁸. В своем комментарии Вебер возвращается к бегству Толстого из дома, и это показывает, что немецкий мыслитель следил и отметил для себя данное событие. Вебер подчеркивает, что последовательность Евангелия, которая предполагает «бегство от мира», сам русский писатель впервые осуществил, только «когда он подошел к самой смерти»²⁹. Но до бегства сам Толстой, как и другие, для Вебера стоит «внутри мира», и тут, вероятно, впервые появляется тема «политеизма» ценностей и «борьбы богов». Вебер пишет: «В действительности: кто находится в “Мире” (в христианском смысле), не может испытывать в себе не что другое, как борьбу между большим количеством ценностных рядов (*Wertreihen*), каждый из которых рассматривает себя как обязательный. Он должен выбрать, какому из этих богов он будет и должен служить и когда он будет и должен служить тому или другому. Однако всегда он будет в борьбе против одного или нескольких других богов этого мира»³⁰. Итак, важнейшая тема «политеизма ценностей» формулируется тоже «с помощью» русского писателя.

Тема противостояния «потустороннего» пацифизма этики убеждения и «посюстороннего» героизма этики ответственности продолжает свое развитие в написанной чуть позже работе «Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира», где опять же упоминается Толстой, на сей раз в связи с его романом «Война и мир». Тут развивается и мотив «борьбы богов». Вебер обрисовывает более детально главных соперников, так, древним богам войны противостоит Бог любви и братства: «Древний бог войны и бог, гарантировавший правовой порядок, выполняли определенные функции и защищали бесспорное обладание повседневными благами. Местного, племенного или имперского бога интересова-

²⁷ *Weber M.* Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918 // Max Weber-Gesamtausgabe. Bd. 15 / Hrsg. von Wolfgang J. Mommsen in Zusammenarbeit mit Gangolf Hübinger. Tübingen, 1984. S. 97.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. S. 98.

ли только дела почитавших его союзов. Он боролся с другими подобными ему богами, как боролась и сама община»³¹, но границы племен и союзов «были преодолены универсальными религиями, следовательно, учением о едином Боге, и полностью там, где этот Бог стал Богом “любви”, – в религии спасения основой для этого служило требование всеобщего братства»³².

Вебер переносит эту историческую реминисценцию на современность, и тут впервые связываются воедино все четыре темы Толстого у Вебера. Тема «убеждения», тема «акосмической любви» и братства, тема пацифизма и тема смысла жизни. Вебер противопоставляет им от себя «ответственность», посюстороннюю любовь, национальное товарищество, героизм на войне и смысл смерти. Это можно выразить несколькими строками у Вебера, которые следует тут привести полностью: «Отчужденность обеих сфер (имеются в виду ценностные сферы или “порядки” религии и политики. – *К.Т.*) по отношению друг к другу при полной рационализации каждой из них обостряется еще тем, что политика в отличие от экономики может в решительных пунктах выступать как прямая соперница религиозной этики. Война как реализованная угроза насилия именно в современных политических объединениях создает такой пафос и такое ощущение общности, такую готовность отдать свои силы и безусловную жертвенность сражающихся, а сверх того деятельность по облегчению страданий и переходящую все границы природных связей любовь к пострадавшему как массовое явление, которым религии в целом могут противопоставить разве что героические действия на основе братской этики. И помимо этого война создает нечто неповторимое по своей конкретной значимости: ощущение человеком смысла смерти и готовности к ней, свойственной только ему. Общность действующей армии ощущается в настоящее время подобно тому, как это было во времена вассальной верности, как общность вплоть до смерти, в своем роде величайшая общность»³³. Это подводит нас к рассмотрению последней четвертой темы, где будет поставлена и более полно раскрыта тема смысла жизни/смерти.

³¹ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избр. произведения. С. 317.

³² Там же. С. 318.

³³ Там же. С. 319.

**Четвертая вариация.
Октябрьская революция, окончание войны.
Лев Толстой и смысл жизни/смерти**

В Мюнхене 1917 г., в разгар войны, точно в день Октябрьской революции в России, 7 ноября по новому стилю Вебер читает свой знаменитый доклад «Наука как призвание и профессия». Уже чувствуется грядущее поражение Германии в войне, Макс Веберу осталось жить менее трех лет. Вопросы, которые поднимает в докладе немецкий ученый, с одной стороны, актуальные и ситуативные, с другой – вневременные и мировоззренческие. Речь идет о специализации и прогрессе, о расчете и вдохновении, о смысле жизни и смерти, наконец, о ценности научной деятельности.

В докладе звучит несколько сквозных тем: из цитируемого выше письма для журнала «Женщина» – тема выбора между конфликтующими богами. Из «Теории ступеней и направлений религиозного неприятия мира» – тема контраста между возможностью во времена Авраама «пресытиться жизнью» и невозможность этого в век прогресса, так как в век прогресса можно только устать. Из обеих работ – тема политеизма и «борьбы богов». Все эти темы концентрируются здесь у Вебера вокруг центральной темы смысла жизни и смерти. Это фактически не отмечается, но «ответы» на основные вопросы знаменитого доклада/статьи разворачиваются тоже «с помощью» Льва Толстого. Немецкий ученый ссылается на русского писателя как при постановке своих фундаментальных вопросов в начале работы, так и когда дает свои ответы на них в конце. Толстой как бы сопровождает мысль Вебера³⁴.

Формулируя ключевую тему, Вебер пишет: «Подобные вопросы самым принципиальным образом поставлены в произведениях Льва Толстого. Он пришел к ним очень своеобразным путем. Его размышления все более сосредоточивались вокруг во-

³⁴ Стаут и Тернер, когда развивают тему влияния Ницше на работы Вебера, то пишут о Ницше как о «неизвестной величине в творчестве Макса Вебера» или о «темной величине». См.: *Stauth G., Turner B.S. Nietzsche in Weber oder die Geburt des modernen Genius's im professionellen Menschen // Zeitschrift für Soziologie. 1986. Vol. 15. № 2. S. 82. Возможно, что это еще с большим основанием применимо по отношению к Толстому.*

проса, имеет ли смерть какой-либо смысл или не имеет»³⁵. Итак, вопрос о смысле науки связан с вопросом о смысле смерти. Вебер подчеркивает, что именно смерти, хотя у Толстого в размышлениях о науке в «Исповеди» шла речь о смысле жизни³⁶. Возможно, перенос акцента не случаен.

Разница в ответе на вопрос о смысле жизни/смерти в том, что для Толстого мир «должен» иметь смысл, и через веру возможно найти его, после чего приступить к воплощению его в своей жизни. Недаром Вебер уже в своем докладе 1910 г. так сильно акцентировал ключевую значимость присутствия смысла мира для русской религиозной интеллигенции³⁷. Для Вебера и тут по-другому. Смысл не заложен в мире, а присваивается ему человеком, через его действие. Это приводит нас к самой последней значительной его работе, к докладу/статье «Политика как призвание и профессия», где он формулирует свою позицию в отношении поиска смысла, констатируя: «Исповедующий этику убеждения не выносит этической иррациональности мира. Он является космически-этическим “рационалистом”»³⁸. Можно утверждать, что Вебер не идентифицировал себя как «исповедующий этику убеждения», следовательно, для него мир был «этически иррационален», отсюда вопрос смысла мира и смысла жизни в нем не мог быть поставлен так, как это делал Толстой. Смысл смерти – да, так как в пограничных ситуациях³⁹ человек способен пожертвовать собой или лишиться себя жизни, и это будет его сознательный волевой акт, пусть и в бессмысленном мире. Интересно, что Вебер приходит к важным вопросам, в том числе и современной практической этики,

³⁵ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произведения. С. 714.

³⁶ Это же перемещение акцентов отмечает американский исследователь Гай Оукс, см.: Oakes G. The Antinomy of Values. Weber, Tolstoy, and the Limits of Scientific Rationality // Journal of Classical Sociology. 2001. Vol. 1(2). P. 195–211.

³⁷ О стремлении к смысловому упорядочиванию мира у русской религиозной интеллигенции см.: Тюрпель Х. Интеллектуальная религиозность, семантика «смысла», этика братства – Макс Вебер и его отношение к Толстому и Достоевскому // Журн. социологии и соц. антропологии. Т. II. 1999. № 4. С. 23–32.

³⁸ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произведения. С. 698.

³⁹ Ясперс неоднократно отмечал важность идей Вебера для становления его философии.

например к проблеме эвтаназии. Она связана у Вебера с проблемой самоубийства и еще шире – с вопросом о месте идеи смерти. Для рассмотрения этой темы потребовалось бы много места, тут следует отметить лишь несколько моментов, которые относятся к предмету статьи.

Иоахим Радкау приводит письмо, где Вебер называет варварством, если «больным при любых условиях препятствуют в самоубийстве»⁴⁰, он же упоминает и другое письмо, где возвеличивается «стоическое» самоубийство из «отвращения перед миром»⁴¹. В другом отношении, возможно, оппонируя Канту против каких-либо «вещей в себе», Вебер пишет: «Недостойно (*Würdelosigkeit*)... когда жизнь принимают как “ценность в себе” (*Wert an sich*)»⁴² – и продолжает, что «если бы наши офицеры, как китайские и японские, имели так же много достоинства. Впечатление было бы другое, если вместо того, чтобы писать “воспоминания о войне”, ее организаторы могли бы принять следствия, которые настоящий мужчина принимает, когда жизнь приводит его к проигрышу в крупной игре»⁴³. Согласно Веберу, в рамках этики ответственности предполагается ответ за последствия, и, по его мнению, в определенных ситуациях ответственным лицам более достойно совершить самоубийство, чем совершать поиск оправданий и рефлексий. Цитаты можно было бы продолжать, но основные пункты развилки обозначены. Можно спорить о научной ценности разделения Фрейдом человеческих устремлений к Эросу и Танатосу, но в данном случае это может стать полезной перспективой при оценке доминирующих влечений в жизни Толстого и Вебера.

Итак, на каждом этапе на каждую идею Льва Толстого приводится антиидея: этика убеждения вызывает этику ответственности, «каосмической любви» противопоставляется посюстороннее товарищество, пацифизму – героизм на войне и ответственность за «*Machtstaat*», наконец, смыслу жизни – смысл смерти. Лев Толстой стал тем элементом, с помощью которого Макс Вебер формировал свои этические соображения, и хотя в основном это было сделано

⁴⁰ *Radkau J.* Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. S. 818.

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Ibid.* S. 819.

⁴³ *Ibid.*

в резкой оппозиции к идеям, которые олицетворял Толстой, но без этого собственные этические мысли Вебера в дошедшем до нас виде были бы невозможны.

Заключение

У Вебера тоже состоялось своего рода «бегство». Это произошло незадолго до его смерти. В 1919 г. он принимает предложение возглавить кафедру экономики в университете Мюнхена и где-то в конце июня туда переезжает. Он делает это, несмотря на ужасные условия послевоенного и революционного Мюнхена. Так, Лепсиус перечисляет некоторые контраргументы против этого выбора: 1. Вебер мог выбрать более привлекательный в экономическом и научном плане вариант (среди них был вариант с Берлином, Франкфуртом, Бонном). 2. Еще в мае в Мюнхене были вооруженные столкновения, которые унесли около 600 жизней. 3. Была непростая ситуация с углем и продуктами питания, жилищные условия также оставляли желать лучшего⁴⁴.

Вебер «убегает» от жены и, в отличие от Толстого, не оставляет поясняющей поступок записки. Кроме того, он «убегает», внешне оставаясь с ней. В определенном смысле это было гораздо более тайное «бегство», чем у Толстого. Он так и не объяснился с Марианной, с той, с которой долгие годы жил как аскет (в отличие от Толстого), о которой Иоахим Радкау полушутя заметил: «Если спрашивать, почему Вебер стал классиком в области социальных наук, а Зиммель или Зомбарт нет, то один из ответов гласит: потому что у него была такая жена, а у других нет»⁴⁵.

Макс Вебер «бежал» в Мюнхен, чтобы быть ближе к тайной возлюбленной, с которой, как он считал, на склоне лет обрел настоящую страстную «неакосмическую» любовь.

Смысл бегства Льва Толстого – это бегство к жизни согласно своим принципам, племянник же Макса Вебера Эдуард Баумгартен писал, что из-за метаний его дяди между женой и возлюбленной к болезни было «примешано скрытое желание смерти»⁴⁶.

⁴⁴ См.: *Lepsius R.M.* Max Weber in München. Rede anlässlich der Enthüllung einer Gedenktafel // *Zeitschrift für Soziologie*. 1977. Vol. 6. № 1. S. 91–118.

⁴⁵ *Radkau J.* Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. S. 831.

⁴⁶ Ebd. S. 854.

В течение менее чем года после переезда следует несвязанная между собой череда смертей ближайших Максу Веберу людей: 24 августа 1919 умирает друг и политический соратник Фридрих Науманн, 14 октября умирает мать Вебера, 7 апреля 1920 кончает жизнь самоубийством сестра Лили. 14 июня 1920 года, после десяти дней непродолжительной болезни, так же как и Лев Толстой, от пневмонии умирает сам Макс Вебер.

Библиография

- Басинский П.В.* Лев Толстой: Бегство из рая. М.: Астрель, Аст, 2010.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Давыдов Ю.Н.* Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль / Отв. ред. А.А.Гусейнов. Вып. 7. М., 2006. С. 83–109.
- Тюррель Х.* Интеллектуальная религиозность, семантика «смысла», этика братства – Макс Вебер и его отношение к Толстому и Достоевскому // Журн. социологии и соц. антропологии. 1999. № 4. С. 23–32.
- Bellah R.N.* Max Weber and World-Denying Love: A Look at the Historical Sociology of Religion // Journal of the American Academy of Religion. 1999. Vol. 67. № 2. P. 277–304.
- Bendix R., Roth G.* Scholarship and Partisanship: Essays on Max Weber. Berkeley: Univ. of California Press, 1971.
- Bruun H.H.* Science, Values and Politics in Max Weber's Methodology. Aldershot, Hampshire: Ashgate Publishing Company, 2007.
- Hanke E.* Max Weber, Leo Tolstoy and the Mountain of Truth // Max Weber and the Culture of Anarchy / Ed. by Sam. Whimster. Basingstoke: Macmillan Press Ltd, 1999. P. 144–161.
- Honigsheim P.* The unknown Max Weber. New Brunswick (New Jersey): Transaction Publishers, 2006.
- Lepsius R.M.* Max Weber in München. Rede anlässlich der Enthüllung einer Gedenktafel // Zeitschrift für Soziologie. 1977. Jg. 6. Heft 1. S. 91–118.
- Max Weber Gesamtausgabe. Studienausgabe: Wissenschaft als Beruf 1917/1919. Politik als Beruf 1919: Abt. 1/17. Herausgeber: W.J.Mommsen, W.Schluchter in Zusammenarbeit mit Birgitt Morgenbrod. Tübingen: Mohr, 1994.
- Oakes G.* The Antinomy of Values. Weber, Tolstoy, and the Limits of Scientific Rationality // Journal of Classical Sociology. 2001. Vol. 1 (2). P. 195–211.

Radkau J. Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München: Carl Hanser Verlag, 2005.

Schluchter W. Unversöhnte Moderne. Frankfurt a/M.: Suhrkamp Verlag, 1996.

Symonds M. Pudsey J. The Forms of Brotherly Love in Max Weber's Sociology of Religion // *Sociology Theory*. 2006. Vol. 24. № 2. P. 133–149.

Weber M. Gesammelte politische Schriften. München: Drei Masken Verlag, 1921.

Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen: Mohr, 1988.

Weber M. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918 // Max Weber-Gesamtausgabe. Bd. 15. Hrsg. von Wolfgang J. Mommsen in Zusammenarbeit mit Gangolf Hübinger. Tübingen: Mohr, 1984.

Weber M. Zur Russischen Revolution von 1905: Schriften und Reden 1905–1912. Tübingen: Mohr, 1996.